

Проблема подросткового кризиса

А. М. Прихожан,
доктор психологических наук

Вопрос о подростковом кризисе, о кризисном характере перехода от детства к взрослости до настоящего времени является достаточно спорным. Как известно, по традиционной точке зрения, идущей от Ж.-Ж. Руссо и первого исследователя этого периода — Стэнли Холла (этой точки зрения придерживался Л. С. Выготский, ее разделяют и многие современные исследователи), подростковый возраст относится к критическим периодам жизни человека, или периодам возрастных кризисов. Напомним, что так называются некоторые переломные, поворотные точки развития, характеризующиеся резкими, крутыми качественными сдвигами (Л. Ф. Обухова определяет как «взрыв развития»), знаменующими конец одного его этапа и начало следующего, сопряженного с определенными внутренними и внешними трудностями (конфликтами).

В этой связи понятие «кризис» применительно к подростковому периоду используется и для того, чтобы подчеркнуть тяжесть, болезненность переходного состояния от детства к взрослости, этого периода разлома, распада (возраст «бури и натиска», «эмоционального шторма»). Известно, что для подросткового кризиса ранее применялась такая характеристика, как «нормальная патология», против чего достаточно резко выступал Л. С. Выготский. В свою очередь понятие «критический период» часто используется в общезыковом смысле с целью подчеркнуть значимость этапа в общем ходе развития. Кроме того, оно применяется и в том смысле, в котором это понятие было заимствовано психологией из эмбриологии, где оно служит характеристикой периода онтогенеза, отличающегося повышенной уязвимостью, особой чувствительностью организма или его части к повреждающим воздействиям, что распространяется и на психологические характеристики. Применительно к подростковому возрасту это образно объяснял Л. С. Выготский. Указывая, что все особенности переходного периода вытекают из несоответствия или расхождения трех точек созревания — социально-культурного, общеорганического и полового, он писал о подростковом возрасте: «Сам по себе это возраст мощного подъема, но вместе с тем возраст нарушенного и неустойчивого равновесия, возраст развития, которое разветвилось на три отдельные русла, и именно подъем, лежащий в основе этого возраста, делает его особенно критичным. В самом деле, сам по себе подъем труден и ответственен. То же самое явление, которое на путника, идущего по ровной дороге, не окажет заметного действия, может стать труднейшим препятствием, иногда опрокидывающим, для путника, идущего в гору» [2, с. 167].

Разные авторы по-разному понимают причины возникновения и характер протекания подросткового кризиса. Традиционно в качестве одной из основных причин выделяется половое созревание, которое влияет на психологический и психофизиологический облик, определяет его функциональные состояния (повышенную возбудимость, импульсивность, неуравновешенность, утомляемость, раздражительность), вызывает половое влечение (часто

неосознанное) и связанные с этим новые переживания, потребности, интересы. Оно создает основания для специфических тревог, связанных с физическим Я, образом тела и определяет соответствующую кризисную симптоматику (Ст. Холл, Шпрангер, Ш. Бюлер, П. П. Блонский и др.). Другие концепции, признавая значимость влияния анатомо-физиологической перестройки, основное внимание уделяют развитию новообразований и связанным с ними потребностям и мотивам, возникающим либо в этот период, либо к концу предшествующего (Л. С. Выготский, Л. И. Божович, Д. Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.).

Возможность (и желательность) бескризисного протекания подросткового периода подчеркивается многими авторами. Если же кризис возникает, то часто он рассматривается как результат неправильного отношения взрослых, общества в целом к подросткам. Следует отметить, что нередко, как это было в отечественной психологии и педагогике, провозглашение бескризисности подросткового периода имело и имеет ярко выраженный идеологический оттенок. Причины кризиса объясняются также тем, что личность не может справиться с возникающими на новом возрастном этапе проблемами [7]. Завоевала популярность и теория «фокального взросления» (Коулман), отмечающая наличие ряда «зон развития» в подростковом возрасте — пубертатного созревания, когнитивного развития, личностные, социальные изменения, — которые различаются по времени достижения максимума своего развития, но свойственны значительно большему периоду, что, по мнению автора, является более адекватной моделью развития, чем представление о кризисах, подразумевающее качественные сдвиги, резкие изменения, затрагивающие практически одновременно все линии развития. Весомым аргументом в пользу «бескризисных» теорий является то, что данные исследований часто свидетельствуют об относительно спокойном переживании подростками этого периода (см.: Д. Б. Эльконин, 1989; М. Кле, 1990; М. Раттер, 1987, и др.).

Принципиально важным моментом как теоретически, так и с точки зрения практики психологической работы мы считаем понимание значения кризиса, в том числе подросткового, в общем процессе возрастного развития. На основании литературных и собственных данных можно заключить, что проявляемое в этот период противопоставление себя взрослым, активное завоевание новой позиции является не только закономерным, но и продуктивным для формирования личности. Л. С. Выготский подчеркивал, что за всяким негативным симптомом кризиса «скрывается позитивное содержание, состоящее обычно в переходе к новой и высшей форме» [3, с. 253], а говоря о значении кризиса 3 лет, отмечал, что если этот кризис «в силу каких-либо причин протекает вяло и невыразительно, то это приводит к глубокой задержке аффективной и волевой сторон личности ребенка в последующем возрасте» (там же). Это же, с нашей точки зрения, можно сказать и о подростковом кризисе. Имеющиеся данные убедительно свидетельствуют о том, что попытки взрослых избежать проявлений кризиса путем «предвосхищающего» создания условий для реализации новых потребностей в значительной части случаев оказываются безрезультатными. Подростки как бы специально «нарываются» на запреты, преднамеренно «принуждают» родителей к ним, чтобы иметь возможность собственными усилиями раздвинуть рамки, задающие пределы их возможностям. Именно через это столкновение они узнают себя, о своих возможностях, удовлетворяют потребность в самоутверждении. В случаях, когда этого не происходит и подростковый период проходит гладко, бесконфликтно или осуществляется по типу так называемого «кризиса зависимости» (см. ниже), мы, прослеживая дальнейшую жизнь этих подростков, собирая катамнез, сталкиваемся преимущественно с двумя вариантами: с запоздалым, а потому особенно болезненным и бурным протеканием кризиса в 17—18 лет или с затяжной инфантильной позицией «ребенка», характеризующей человека в период молодости и даже в зрелом возрасте.

При этом нужно, конечно, иметь в виду, что кризисные симптомы не проявляются постоянно, это скорее эпизодические, хотя порой и достаточно длительные явления, их интен-

сивность и способы выражения также различны. Важен сам факт личного обособления, противопоставления, завоевания собственной позиции.

Рассматривая кризис подросткового возраста как один из самых важных и сложных критических периодов развития, мы считаем наиболее адекватным традиционное представление о том, что протекание возрастного кризиса проходит три фазы:

1) негативную, или предкритическую, когда происходит ломка старых привычек, стереотипов, распад сформировавшихся ранее структур (конечно, название «негативная» условно, процитируем в этой связи еще раз Л. С. Выготского: «Развитие никогда не прекращает свою созидательную работу, и в критические периоды мы наблюдаем конструктивные процессы развития») [3, с 253];

2) кульминационную точку кризиса (в подростковом возрасте — это 13 лет, хотя эта точка, конечно, достаточно условна);

3) посткритическую фазу, т. е. период формирования новых структур, построения новых отношений и т. п.

Такой подход находит свое подтверждение и в результатах специальных исследований, и в данных наблюдений за детьми. Как известно, переход к подростковому возрасту характеризуется возникновением различных форм отстаивания собственной самостоятельности, независимости. Причем чаще всего это проявляется в известных и ярко выраженных трудностях поведения — негативизме, упрямстве, открытом непослушании, конфликтах со взрослыми, стремлении всегда настоять на своем. Кратко это можно описать так: повышенная конформность по отношению к группе сверстников и демонстративное противопоставление себя не столько взрослым, сколько образу послушного ребенка, который часто культивируется этими взрослыми. Это противопоставление может быть достаточно длительным, ярко выраженным или же сглаженным.

Конечно, как всякий период развития, подростковый возраст — явление конкретно-историческое. И не случайно отчуждение подростков от взрослых, конфликты со взрослыми наблюдались в особенно острых формах в прошлом, при традиционных отношениях, когда образы послушного ребенка и поучающего взрослого были достаточно жестко зафиксированы. Не случайно и то, что в современной ситуации, когда эти роли в значительной степени «размыты», а отношения между родителями и детьми часто носят совершенно иной характер, кризисная симптоматика выражена не столь ярко. Однако признание культурно-исторических и других различий — социально-экономических, половых, этнических и, конечно, в первую очередь индивидуальных, как справедливо отмечала Л. И. Божович, «не исключает наличия общих для всех подростков психологических особенностей, определяемых возникающими в логике психического развития и специфическими для данного возраста новообразованиями» [1, с. 27]. Судя по экспериментальным данным, а главное — по результатам клинической психологической работы, проявления подростковой кризисной симптоматики и в настоящее время вполне отчетливы.

Проиллюстрируем это примером из клинической практики. В психологическую консультацию обратилась мама 10-летней девочки, ученицы V класса, которую школьный психолог диагностировал как «отличающуюся ярко выраженными девиантными формами поведения, связанными с недостатками воспитательных воздействий» и посоветовал родителям заняться последовательным пресечением этих форм поведения. Прийти в консультацию маму заставило то, что, хотя следование этим рекомендациям, «закручивание гаек», действительно привело к исчезновению описанных форм поведения, сложности остались. Девочка перестала грубить учителям, упрямо стараться «все сделать по-своему, наперекор», уже не проводила много времени со сверстниками, которые не нравились родителям, и в основном сидела дома. Но одновременно она стала капризной, по малейшему поводу начала плакать, требовала от родителей постоянного внимания к себе, ничем не хотела заниматься без их участия. Особую их тревогу вызвало то, что девочка достала с антресолей ста-

рую куклу, которую, по словам матери, «целый день, как маленькая, таскает за собой по квартире, даже в уборную с собой несет».

Этот случай, на наш взгляд, интересен для разбора с нескольких точек зрения. Прежде всего, очевидно, что школьный психолог рассматривал негативные стороны поведения девочки как некоторые индивидуальные проявления недисциплинированности, в отрыве от возрастных особенностей. Его рекомендация, оказавшаяся в каком-то смысле даже успешной, была направлена на преодоление этих нарушений поведения. Если бы он рассматривал поведение девочки исходя из представления о возрастных кризисах, то оценил бы его как симптоматику подросткового кризиса, связанную со стремлением утвердить себя, отстоять личностную автономию, т. е. обратился бы к ведущим потребностям девочки, и его рекомендации были бы, вероятно, иными.

Кроме того, описанный случай как бы демонстрирует два пути протекания кризиса.

Симптомы первого — это классические симптомы практически любого из кризисов детского возраста: стропливость, упрямство, негативизм, своеволие, недооценка взрослых, отрицательное отношение к их требованиям, ранее выполнявшимся, протест-бунт. Некоторые авторы добавляют сюда также ревность к собственности. Этот тип кризиса широко описан в литературе и часто носит название «кризис независимости». Естественно, в каждом возрастном кризисе этот букет симптомов проявляется в соответствии с возрастными особенностями. И если для 3-летнего ребенка ревность к собственности выражается в том, что он вдруг перестает делиться с другими детьми игрушками, то для подростка — это требование не трогать ничего у него на столе, не входить в его комнату, а главное — «не лезть ему в душу». Остро ощущаемое переживание собственного внутреннего мира — вот та главная собственность, которую оберегает подросток и ревниво защищает от других.

Второй путь противоположен: это чрезмерное послушание, зависимость от старших или сильных, возврат к старым интересам, вкусам, формам поведения. Описание подобного варианта протекания возрастного кризиса в известной нам литературе встречается лишь один раз — в работе Б. Л. Ланды, посвященной кризису 3 лет. Указанный вариант, на наш взгляд, удачно назван им «кризис зависимости». Применительно к подростковому возрасту этот вариант, насколько можно судить, не описан. Вместе с тем наши наблюдения и клиническая работа с подростками (около 450 случаев) свидетельствуют, что он встречается примерно в 10–12 % случаев.

Если «кризис независимости» — это некоторый рывок вперед, выход за пределы старых норм, правил, то «кризис зависимости» — возврат назад, к той своей позиции, к той системе отношений, которая гарантировала эмоциональное благополучие, чувство уверенности, защищенности. И то и другое — варианты самоопределения (хотя, конечно, неосознанного или недостаточно осознанного). В первом случае это: «Я уже не ребенок», во втором — «Я ребенок и хочу оставаться им».

На то, что у подростка, переживающего кризис, эти две тенденции сосуществуют, указывают и экспериментальные данные, полученные по модифицированной нами методике Б. Заззо «Выбор золотого возраста». Суть модификации состояла в приведении методики к форме шкальной оценки — использование вертикальной шкалы («линии жизни») и точки, характеризующей представление ребенка о том, какое место занимают на этой линии дети его возраста. Мы исследовали около 1000 детей с 6 до 17 лет, из них 240 подростков 12–14 лет. Напомним, что, согласно критериям, предложенным Б. Заззо, самым продуктивным является выбор в качестве «золотого», наиболее желательного, возраста — собственного. Этот выбор, по Б. Заззо, свидетельствует о понимании школьником ценности каждого возрастного периода. В нашем материале такой выбор сделали около 17 % испытуемых. Подростки 12–14 лет в качестве наиболее благоприятного возраста чаще всего выбирали «несколько старше» — на 2–3 года (24 %). Около 9 % испытуемых проявили желание быть намного старше. Примерно 13 % процентов подростков демонстрировали ярко выраженное

желание «быть маленьким» и даже «очень маленьким». И, наконец, 37 % подростков сделали двойственный выбор, указывая, что они хотели бы быть или старше (как правило, намного), или младше, но только «не такими, как сейчас». Именно последние характеризовались наиболее яркими проявлениями, типичными для подросткового кризиса. Отметим, что среди испытуемых других возрастов подобные реакции были единичны, исключение составляли лишь дети 6–7 лет, где такой двойственный выбор делали около 8 % испытуемых. Без дополнительных данных достаточно трудно сказать, связано это также с «критичностью» данного возраста или причина все же в трудностях, адаптации к школе.

Указанная двойственность позиции подростка, на наш взгляд, и определяет специфику подросткового кризиса. В силу недостаточной психологической и социальной зрелости подросток, отстаивая перед взрослым свою новую позицию, добиваясь равных прав, стремясь расширить рамки дозволенного, одновременно ждет от взрослых помощи, поддержки и защиты, ожидает (конечно, неосознанно), что они обеспечат относительную безопасность этой борьбы, оградят его от слишком рискованных шагов. Вот почему повышено либеральное, «разрешающее» отношение часто наталкивается на глухое раздражение подростка, а достаточно жесткий (но при этом аргументированный) запрет, вызвав кратковременную вспышку негодования, напротив, ведет к успокоению, эмоциональному благополучию.

Наличие обеих указанных тенденций хорошо видно в приведенном примере. Столкнувшись с резким противодействием взрослых ее стремлению к независимости, девочка выбрала путь зависимости. Сильные возрастные потребности, вызывавшие кризис, обеспечивали и в том, и в другом случае яркую его симптоматику. О наличии в переживании кризиса двух тенденций свидетельствуют и экспериментальные данные. Именно сила этих одновременно существующих и противоположно направленных тенденций обуславливает напряженность кризиса, а победа одной из них характеризует его разрешение и во многом определяет дальнейшее развитие личности.

Позитивный смысл подросткового кризиса заключается в том, что через него, через борьбу за эмансипацию, за собственную независимость, происходящую в относительно безопасных условиях и не принимающую крайних форм, подросток удовлетворяет потребности в самопознании и самоутверждении, у него не просто возникают чувство уверенности в себе и способность полагаться на себя, но и формируются способы поведения, позволяющие ему и в дальнейшем справляться с жизненными трудностями. Это дает основание считать, что именно путь «кризиса независимости» является наиболее конструктивной формой протекания кризиса с точки зрения заложенных в нем возможностей для формирования личности. Вместе с тем наиболее экстремальные проявления «кризиса независимости» чаще всего непродуктивны.

«Кризис зависимости», по нашим данным, — достаточно неблагоприятный вариант развития. Важно учесть, что подростки, так переживающие кризис, как правило, не вызывают у взрослых беспокойства, напротив, родители часто гордятся тем, что им удалось сохранить нормальные, с их точки зрения, отношения, т. е. отношения по типу «взрослый — ребенок».

Конечно, не следует на весь подростковый возраст смотреть под углом кризиса. Еще Л. С. Выготский указывал на то, что подростковый возраст не может быть описан одной какой-либо формулой. Но знание кризиса необходимо для того, чтобы помочь школьнику наиболее полно реализовать возможности этого периода, выработать эффективные, конструктивные способы преодоления трудностей, что, с точки зрения современной психологии, важно для решения главных задач развития в этот период.

Литература

1. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1979. № 4.

2. *Выготский Л. С.* Педология подростка. М., 1929—1931.
3. *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. Т.4.М., 1983.
4. *Кле М.* Психология подростка. М., 1991.
5. *Обухова Л. Ф.* Детская психология: теория, факты, проблемы. М., 1995.
6. *Раттер М.* Помощь трудным детям. М., 1987.
7. *Ремимидт Х.* Подростково-юношеский возраст: проблемы становления личности. М.,1994.
8. *Эльконин Д. Б.* Изобразительные психологические труды. М., 1989.